

Е.Н. Рогова

Кемеровский государственный университет

Элегический хронотоп и элегические мотивы в литературном произведении

Формы реального времени и пространства, как писал М.М. Бахтин в «Вопросах литературы и эстетики», осваиваются литературой постепенно. Художественное освоение времени и пространства связано с общими процессами развития человеческого сознания и истории. Появление художественного элегического времени и связанного с ним пространства в искусстве стало возможным с начала девятнадцатого века, как отражение социальных и общекультурных сдвигов в обществе. Рассмотрим способ освоения времени и пространства в элегии и элегической прозе. О зависимости жанра от времени-пространства М.М. Бахтин говорит следующее: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение ... жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет и образ человека» [Бахтин, 1975, с. 235]. При этом не только жанр определяется хронотопом, но и хронотоп формируется в конкретных жанрах. Элегический хронотоп формируется в рамках жанра элегии, а также в прозе элегического характера. Выделим специфические особенности элегического времени и пространства в конкретных текстах.

Для выявления особенностей элегического времени и пространства обратимся к русской поэзии начала девятнадцатого века. В стихотворении В.А. Жуковского «Человек» (1801) [Жуковский, 1959, с. 25], например, присутствует время, которое мы назовем элегическим:

Ничтожный человек! что жизнь твоя? –
Мгновенье.
Взглянул на дневный луч – и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень мелькаешь ты!

Из приведенного текста видно, что существенной особенностью элегического времени является его мгновенность. Элегическое время – время быстротекущее, оно стремится к сжатости, дробится и исчезает. Данные характеристики элегического времени присутствуют в следующих стихах В.А. Жуковского:

1. «Наш век как ясный день пройдет» – из стихотворения «Стихи, сочиненные в день моего рождения» [Жуковский, 1959, с. 35];

2. «Прости! не вечно жить!» – из стихотворения «На смерть Андрея Тургенева» [Там же];

3. «Прошли, навек прошли твои золотые дни!» – из стихотворения «Опустевшая деревня» [Там же, с. 41];

4. «Блажен, кому дано цевницей оживлять // Часы сей жизни скоротечной!» – из стихотворения «Вечер» [Там же, с. 49].

Теперь обратимся для приведения примеров краткого элегического времени к стихотворениям А.С. Пушкина:

1. Я говорю: промчатся годы,
И, сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»
[Русская элегия, 1991, с. 243]
2. Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы – невольню лютуют слезы,
И вяну я на темном утре дней.
«Опять я ваш, о юные друзья!»
[Там же, с. 207]
3. Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...
«К***» [Там же, с. 218]

«Миг» – наиболее распространенная характеристика элегического времени; другие определения элегического времени – годы, дни, часы – имеют одно и то же значение скоротечности человеческой жизни. Краткость элегического времени становится более явственной от сопоставления с временем вечным – природы, вселенной. Мотив вечной природы является сопутствующим элегическому времени. Например, в стихотворении «Человек» В.А. Жуковского человеческая жизнь противопоставляется вечности следующим образом:

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
Что неприметный червь, сокрывшийся во прах,
И дерзостный орел, парящий в небесах,
Превыше черных туч и молний вознесенный,
Пред взором Вечного ничто?
[Жуковский, 1959, с. 26]

В «Брожу ли я вдоль улиц шумных» А.С. Пушкина возникает контраст между образами скоротечной человеческой жизни и равнодушной природы, вечной и прекрасной:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.
[Русская элегия, 1991, с. 245]

Для элегического времени необходимо соответствующее пространство – пространство обособленное, уединенное, «частное», которое может способствовать одинокой рефлексии элегического субъекта. Например, у Н.М. Карамзина в «Осени» мы видим элегическое пространство, вызванное образом скоротечного элегического времени:

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.
[Карамзин, 1982, с. 128]

Холм – пространство возвышенное, связанное с наличием дистанции, отдаленностью от мира человеческой жизни, мигом, в который рождаются унылые мысли о минувшем. Элегическое пространство – пространство малое, противопоставленное всему остальному миру.

Элегическое время, стремительно проходящее, и уединенное элегическое пространство неизбежно влекут за собою мотив одиночества. Элегическое «я» не может принадлежать другому «я», так как заранее принадлежит вечности, смерти. В стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Собака» присутствуют элегическое пространство и элегическое время. Перед нами хронотоп уединения, обособленности, отчужденности от остального мира, ведущий за собою мотив одиночества: «Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воеет страшная, неистовая буря... Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы ... в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек. Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом ... И конец! Кто разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек? Эти две пары одиноких глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жметя пугливо к другой» [Тургенев, 1964, с. 148]. Одиночество рассказчика усиливается присутствием образом собаки, такого же живого существа, но лишённого рефлексии. Пространство, в котором находится рассказчик, малое, замкнутое, противопоставлено стихии природы, буре, смерти. Одиночество вдвоем в данном случае непреодолимо, страх смерти разъединяет «две пары глаз». «Трепетный огонек», горящий в рассказчике, выступает символом быстро проходящей человеческой жизни (та же символика присутствует в семантике заглавия книг А. Фета «Вечерние огни», в которых жизнь лирического субъекта представлена как россыпь огней-воспоминаний, чувств). В стихотворении И.С. Тургенева «Собака» можно выделить следующие элегические мотивы: непреодолимого одиночества; ничтожности человека перед лицом смерти; противопоставления человека природе, способности к рефлексии.

Мотив одиночества, порожденный элегическим хронотопом («мотивы ... по природе своей хронотопичны», – пишет М.М. Бахтин [Бахтин, 1975, с. 247]), характеризует положение элегического субъекта в мире. Мотив одиночества связан с мотивом вечной природы, по отношению к которой это одиночество определяется. Мотив одиночества – один из самых распространенных мотивов в литературе. Являясь хронотопическим, мотив одиночества наполняется каждый раз конкретным смысловым оттенком, в зависимости от того, каким хронотопом (драматическим, трагическим, романтическим) он вызван.

У элегического хронотопа есть логика, определяющая все моменты хронотопических мотивов. Мотивы, появляющиеся вслед за элегическим хронотопом, не новы, но, подчиняясь единой логике, они наполняются элегическим смыслом. Мотивы любовной элегии (стенания возлюбленного), кладбищенской элегии (краткости человеческой жизни), медитативных прозаических монологов (чувствительный субъект, оплакивающий свою судьбу), идиллий (близость человека к

природе), – все эти моменты, существующие до элегии начала девятнадцатого века, «модифицированы» и объединены в новую элегию, элегию начала девятнадцатого века, конститутивным моментом которой является элегическое время.

Элегический хронотоп формирует субъекта, попавшего в поле действия элегического времени и пространства. Элегический субъект – это субъект «малый», частный, индивидуальный, ценящий свою неповторимость, рефлексирующий, грустящий из-за неизбежной смерти своей индивидуальности. Элегический субъект словно находится между полюсами конечного и бесконечного, между жизнью и смертью. Рефлексия, порожденная элегическим хронотопом, контрастными образами вечного времени и мгновенного человеческого бытия, противопоставляет элегического субъекта всему живущему, лишенному этой рефлексии. Примером элегической рефлексии, присутствия элегического субъекта в мире может послужить отрывок из письма И.С. Тургенева к Е.Е. Ламберт: «Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, – существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного ... как будто я был современником Сезостриса, каким-то чудом еще двигающимся по земле, среди живущих. Возможность пережить в самом себе смерть самого себя – есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот – я умер – и все-таки жив – и, даже может быть, лучше стал, чище» [Тургенев, 1962, с. 184]. Этот отрывок содержит яркую формулу, определяющую характер переживания элегического «я»: «Я чувствую себя как бы давно умершим».

Примером элегического субъекта, порожденного элегическим хронотопом, элегическим комплексом мотивов, может послужить рассказчик в «Поездке в Полесье» И.С. Тургенева. Произведение открывается описанием природы, передающим элегическое настроение рассказчика: «Вид огромного ... «Полесья» напоминает вид моря ... та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом зрителя. Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть»... Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, – трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; ... он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значенье и в свою силу» [Тургенев, 1964, с. 51]. В этом фрагменте видно элегическое соотношение сил – ничтожный, смертный человек и вечная равнодушная природа. В приведенном примере присутствует характеристика элегического времени, времени человеческой жизни: человек – существо одного дня, рожденный сегодня и уже обреченный на смерть. Данный отрывок может послужить объяснением характеристики «сконцентрированности» элегического времени и пространства. Окружающий человека мир настолько огромен и непостижим в своей вечности для человека, что человеческое «я» ищет спасения в собственном, малом пространстве.

Элегическое время в «Поездке в Полесье» И.С. Тургенева находит здесь еще одно определение: вся жизнь «бедная горсть пыльного пепла» [Тургенев, 1964, с. 60-61]. Хронотоп рассказчика – хронотоп предельного уединения: «Я присел на срубленный пенек... О, как все кругом было тихо ... холодно и грозно в то же время! Сердце во мне сжалось. В это мгновенье, на этом месте я почуял веяние смерти... Я снова, почти со страхом, опустил голову; точно я заглянул куда-то, куда не следует заглядывать человеку» [Тургенев, 1964, с. 59]. Для элегического хронотопа характерна «сконцентрированность» («сердце сжалось») во времени и про-

странстве. Элегический хронотоп может изображаться на фоне «разомкнутого» пространства и линейного времени, что позволяет обнаружить разобщенность личного существования со всеобщим природным бытием.

Элегический мотив «инаковости» человеческого и природного начал четко прослеживается в финале романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Об элегических мотивах в произведениях И.С. Тургенева пишет А. Батюто. Выделяя основные мотивы творчества писателя, исследователь уделяет особое внимание элегическим: «Среди философских проблем, серьезно занимавших Тургенева на протяжении, в сущности всей его литературной деятельности, первостепенное значение имеет мысль о человеческом ничтожестве... Присутствие ее наиболее заметно в «Отцах и детях»...» [Батюто, 1972, с. 49]. По мнению А. Батюто, на формирование элегических мотивов в творчестве И.С. Тургенева оказала влияние философия Паскаля, его мысли о ничтожности человека перед лицом вечности.

В эпилоге романа «Отцы и дети» И.С. Тургенева присутствуют элегические мотивы вечного примирения и жизни бесконечной, противопоставления ничтожного человека вечной природе. Появляется элегический хронотоп уединения, «сельское кладбище в одном из уединенных уголков России» [Тургенев, 1980, с. 444]. Носителем элегического мировосприятия в «Отцах и детях» в эпилоге выступает повествователь. Именно его риторическое восклицание обнаруживает элегическую оценку мира: «Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна? О нет! О какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [Там же, с. 445]. Элегическое завершение романа заостряет смысл образа Базарова.

Самоопределение Базарова, его характеристика собственной жизни, отпущенного ему времени могут быть рассмотрены как элегические: «Узенькое место, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...» [Там же, с. 400-401]. Базаров видит не только несовпадение масштабов человека и мира, но и ценность неповторимого «я»: «А в этом атоме ... мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» [Там же, с. 401].

Предсмертные слова героя обнаруживают в нем носителя элегического отношения к миру: «Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится. И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта – как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет» [Там же, с. 442]. Самоопределение Базарова отчасти элегическое, он ощущает свою ничтожность (он «червь») перед смертью и вечностью, неповторимость, одиночество – и равнодушные («никому до этого нет дела») окружающего мира к его исчезновению.

Базаров пытается отрицать законы жизни и смерти, но перед лицом смерти осознает свое бессилие: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» Базарову не дано раскрыть тайны бытия, победить смерть. Можно говорить о вечном противостоянии личного и сверхличного начал в произведении с элегической картиной мира. Нравственной нормой в произведении с элегической художественностью является приобщение элегического субъекта к жизни бесконечной, в этом его «возвеличивание» и человечность.

Таким образом, можно сказать, что жанр элегии появляется гораздо раньше, чем элегическая художественность, формирующаяся на почве элегии или в прозе медитативного характера. В рамках элегии рождается элегический хронотоп, по-

служивший прообразом для новой архитектурной формы художественного мышления. Элегическая установка появляется в рамках свободного, индивидуального, рефлексирующего сознания, в начале девятнадцатого века, что находит свое выражение в художественно оформленных категориях времени и пространства, элегических мотивах, элегической поэтике литературного произведения.

Литература

- Батюто А. Тургенев – романист. Л., 1972.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Жуковский В.А. Стихотворения: Собрание сочинений: В 4-х т. М.; Л., 1959. Т. 1.
- Карамзин Н.М. Избранное. Куйбышев, 1982.
- Русская элегия. Л., 1991.
- Тургенев И.С. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1964. Т. 7.
- Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 2-х т. М., 1980. Т. 1.